

АТОМНЫЙ ПОВОРОТ И ТЕОЛОГИЯ АТОМНОЙ БОМБЫ

Метаисторическое богословие звезды Полярной

Эпоха модерна началась в октябре 1517 года вместе с европейской Реформацией и закончилась в августе 1945 года, когда над Хиросимой и Нагасаки один за другим прогремели два взрыва атомных бомб. Это ослепительное ядерное двоеточие, вспыхнувшее над Страной восходящего солнца выглядело слишком многообещающим. Смертоносная взрывная судорога потрясла и разломила устои мирового порядка. Дрогнули и стали оседать его несущие конструкции. Начиналась эпоха постмодерна.

Напрасно стараются те, кто пытается доказать, будто авторы постмодернистской культуры, учредители цивилизации постмодерна — модные ныне философы, филологи, лингвисты, литераторы и прочие гуманитарии, имя которым легион. Их интеллектуальные фантазии, метафизические домыслы и языковые ребусы, норвящие спутать все существующие философские карты, свести на нет все достижения мировой мысли, обесценить все ценности классической культуры, — слишком легковесный материал, чтобы поколебать и тем более сокрушить тысячелетние устои планетарной культуры и цивилизации. Радужные словесные пузыри бессильны перед этими устоями. Чтобы их поколебать и тем более обрушить, потребовался более серьезный материал. И он нашелся.

В середине XX века три «джентльмена с неблагородными физиономиями», три геополитических деструктора провели грандиозную историческую процедуру слома культуры и цивилизации модерна. Сталин начал ее, Гитлер продолжил, а Трумэн завершил радикальный разрыв связи времен. Их усилиями эпоха модерна, еще сохранявшая связи с классической эпохой «Афин—Рима—Иерусалима», закончилась, и мир вступил на новую стезю, где за атомным поворотом его поджидала сумрачная будущность великой постмодернистской анонии, не обещающей никому ничего

Владислав Аркадьевич Бачинин — доктор социологических наук, профессор. Окончил философский факультет ЛГУ и аспирантуру Института философии РАН. Автор более 700 опубликованных работ по теологии, философии и социологии культуры, в том числе более 50 книг, среди которых: «Достоевский: метафизика преступления» (2001), «Малая христианская энциклопедия». Т. I—IV (2003—2007); «Девиантология и теология: от Библии к Достоевскому» (Saarbrücken, Deutschland, 2012), «Теология, социология, антропология литературы (Вокруг Достоевского)» (2012), «Мистерия гуманитарной анонии. Духовная война интеллектуалов» (2014), «Протестантская этика и дух остмодернизма» (в соавт.) (2015), «500 лет спустя, или 95 тезисов о Реформации, модерности и великой христианской депрессии» (2016), «Европейская Реформация как духовная война. Теология генезиса modernity» (2017). Постоянный автор журнала «Нева». Победитель конкурса философских трактатов на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», проведенного Российской академией наук (Институт философии). Живет в Санкт-Петербурге.

хорошего. Открылась колея ядерной эскалации, имеющая опасный наклон и позволяющая безостановочно скользить в бездну атомного протоапокалипсиса. Трагизм этого открытия состоял в том, что современные цивилизации и культуры, государства и народы, политики, интеллектуалы, ученые, философы, писатели, художники, музыканты оказались бессильны остановить это скольжение по наклонной.

Атомный поворот заявил о себе не брэнчанием словесных бирюлек гуманитарных говорунов, а самым нешуточным образом. Громовыми ядерными раскатами он начал отсчет времени существования новой исторической реальности, выстраивающейся в соответствии с хоррор-жанром библейской апокалиптики. Взгляд на кризисно-катастрофическое настоящее сквозь призму Откровения Иоанна Богослова стал превращаться едва ли не в одну из насущных потребностей человеческого духа, пытавшегося осмыслить суть происходящего.

Впрочем, в бурном потоке неуправляемой постмодернистской говорильни был свой смысл. Чтобы пояснить его, сошлюсь на один фильм о Второй мировой войне, в котором была такая сцена: в недрах тихой городской улочки перед неким предателем вырастает фигура вооруженного мстителя. Предатель, понявший, что пришло возмездие, вдруг начинает быстро и непрерывно говорить. Слова сыплются из него в таком изобилии, что мститель столбенеет. Изумление отображается у него на лице. И тогда предатель, заметив это, объясняет свое поведение. Оказывается, что он следует чьей-то психологической рекомендации: мол, когда к тебе вплотную приблизилась твоя смерть, то лучший способ избежать животного ужаса — это начать непрерывно говорить. Поток слов заполнит твое сознание и, подобно стене, отгородит тебя от невыносимых чувств страха и ужаса.

Полагаю, что в феномене постмодернистской философско-филологической болтовни, засыпавшей словесным мусором практически всю территорию современной культуры, присутствует этот защитно-эскапистский мотив. В данном случае налицо форма бегства человеческих душ, сознающих весь ужас придвинувшейся вплотную глобальной смертельной угрозы, планетарной термоядерной катастрофы. Душа, не знающая истинного Спасителя, прячет в словах свой глубинный хоррор перед невиданным злом. Слова действуют почти наркотически, производя эффект амнезии, и душа забывается хотя и не слишком сладкими, но вполне удовлетворительными снами-транквилизаторами.

Однако действенность этой словесно-наркотической блокады на душу, деморализованную, запуганную до смерти, но не признающуюся себе в этом, имеет свои пределы. В условиях перепроизводства словесного хлама, когда сильные порывы «мусорного ветра» вздымают клубы ядовитых идей и вредоносных доктрин, начинается другая катастрофа — духовно-экологическая. Души, заполненные злом, начинают либо заживо распадаться, либо поддаваться искушениям суицида, либо гибнуть от малейшей внешней причины.

Связывать все эти экзистенциальные катаклизмы с атомным поворотом мы не привыкли. В России это направление мысли никогда не поддерживалось властью, не культивировалось официальной идеологией, чуждой идее «благоговения перед жизнью». Но стоит лишь погрузиться в японскую литературу второй половины XX века, как картина резко изменится. Японское сознание, травмированное предельным опытом ядерного ужаса, до сих пор живет им и, похоже, избавиться от него не может. Более того, оно и не желает избавляться, поскольку в нем живет мысль о том, что этот травматически-катастрофический опыт способен оказать отрезвляющее действие на народы и государства, слишком заигравшиеся в ядерные игры.

XX век сумел эффектно продемонстрировать избыточную смертоносность силы мирового зла, облекшегося в формы атомного оружия. Трудно вообразить что-либо

более чудовищное, чем это зло, как бы говорящее всем и каждому, что оно так просто не уйдет с исторической сцены, загроможденной реликтовыми конструкциями большевизма-советизма, останками нацизма и фантомными картинами ядерных развалин японских городов. Финал мировой мистерии под названием «ГУЛАГ-холокост-Хиросима, или Конец модерности» на глазах нынешних поколений легко, быстро и беспрепятственно превратился в увертюру к новой, уже сугубо ядерной мистерии «Термоядерный апофеоз: пришествие постмодерности». В период исторической паузы между геополитическими кошмарами на той же самой политической сцене чья-то безжалостная рука, руководимая темной, злой, демонизированной волей, вывесила на самое видное место обновленное, усовершенствованное, старательно заряженное атомное ружье. И по сценическим законам, уж коли оно появилось, то до конца представления ему суждено выстрелить. А это означает, что непременно явятся исторические антигерои, готовые взвести атомный курок, способные шантажировать мир смертельной угрозой и не имеющие внутри себя никаких моральных препятствий, которые могли бы помешать им нажать на спусковой крючок. Равным образом должны существовать и те, в кого попадет заряд. И их, судя по всему, будет очень много, бесконечно много, едва ли не все человечество.

Атомные антигерои, посланцы inferнального мира — не виртуальные фигуры вымышленных политических персонажей. Они живут среди обычных людей, но от всех остальных отличаются тем, что заняты непрерывным тренингом по оттачиванию дьявольских навыков по применению дьявольского оружия. Они с маниакальной привязанностью ухаживают за атомным ружьем, содержат его в исправности и в полной боевой готовности, регулярно вносят в его конструкцию изменения, повышающие его убойную мощь.

У писателя Сигизмунда Кржижановского (1887–1950), не без основания называемого «славянским Кафкой», есть новелла «Желтый уголь». В ней ученые первой половины XX века отыскивали богатейший источник энергии. Он имел сугубо антропологическую природу: это была энергия человеческой злобы, запасы которой оказались столь велики, что совершенно избавили человечество от энергетического кризиса.

Отдавая должное богатой фантазии писателя, следует, однако, учесть, что у вымышленного сюжета имеется прочная библейская основа. Из Книги Бытие мы узнаем, что еще в эдемском саду дьяволу удалось разрушить целостность ядра человеческой сущности, расщепить ее, высвободить из ее недр ядерную энергию человеческого греха и направить ее в братоубийственное русло Каиновой злобы. На крови Авеля был замешан тот строительный материал, из которого соорудился вначале фундамент, а затем воздвиглись и стены здания Каиновой цивилизации.

Книга Бытие и «Желтый уголь» наводят на один и тот же многовекторный вопрос: разве истребительную силу лагерей ГУЛАГа, печей Освенцима и ядерного оружия не роднит их общая антропологическая генеалогия? Разве их не произвела дьявольская энергия человеческой злобы, доведенная до предельной концентрации и направленная людьми против самих себя? Разве разыгравшаяся в XX веке мировая оргия самоуничтожения уменьшила запасы и силу злобы, агрессивности и жестокости? Чего стоит хотя бы тот факт, что за пять десятилетий, прошедших после 1945 года, на земле было произведено более двух тысяч ядерных взрывов. То есть практически каждые десять дней планета вздрагивала от очередной апокалиптической репетиции. «Подземный гул эпохи» стал неустранимой принадлежностью повседневности. Человечество, оказавшееся заложником сразу двух зол, собственной поврежденной грехом природы и немислимых запасов ядерного оружия, способного несколько раз уничтожить все население земли, ждалось в страхе и трепете от тревожного ожидания тер-

моядерного пролога к библейскому апокалипсису. Радикально изменились характер мироощущения и строй мыслей миллиардов землян, почувствовавших и осознавших, что их хрупкие жилища стоят у подножия мировой Силоамской башни, которая в любой момент может рухнуть и похоронить их под своими обломками. Но большинство из них либо ничего не знают о грозном предупреждении Господа, либо не желают слышать слов, прозвучавших две тысячи лет тому назад: «Или те восемнадцать, на которых обрушилась башня в Силоаме и убила их, — думаете ли вы, что они были виновнее, чем все остальные люди, живущие в Иерусалиме? Нет, говорю вам! Но если не покаетесь, то все так же погибнете!» (Лк. 13,4).

Тогда же появился и пророческий текст, говорящий: «Затрубил третий ангел — и упала с неба большая, как факел горящая звезда. Пала она на треть рек и на источники вод. Имя звезды было Полынь. И стала треть вод как полынь, и многие люди умерли от этих вод, потому что горькими стали они» (Откр. 8,10–11). Иоанн Богослов, несмотря на использование глаголов прошедшего времени «затрубил», «упала», «стала», «умерли», ведет речь о будущем. Контекст пророческого откровения избавляет от всяких сомнений на этот счет. Но для нас, живущих спустя двадцать веков, это будущее уже частично стало настоящим 6 и 9 августа 1945 года, когда две большие, горящие, как факел, звезды упали на Хиросиму и Нагасаки.

Пророчество апостола начало сбываться, хотя и по частям, но самым буквальным образом на сценических площадках японских городов. Мир получил наглядный урок апокалиптики, существенно приблизивший человечество к пониманию сути грядущего финала глобальной истории. К библейскому, пока еще книжному Апокалипсису прибавилось практически-эмпирическое, наглядное подтверждение того, что для большей части жителей земли предфинальная стадия мировой истории станет не тихой, закатной порой расставания с земной жизнью, а громовым обвалом всего и вся.

Текст Иоанна Богослова — это метаисторический Божий сценарий будущего мирового финала. Апостол не обозначил времен и сроков полного исполнения всего того, что открыл ему Бог. Они остались ему неведомы, как неизвестны и нам. Христианское здравомыслие предостерегает нас от попыток каким-либо образом уточнять эти сроки. Нам вполне достаточно того совершенно особого, ранее неизвестного, экстраемального, предельного, катастрофического опыта зла, который уже имеется в распоряжении человечества со времени изобретения ядерного оружия. Избавиться от порождаемых им апокалиптических ассоциаций крайне затруднительно. Уж слишком многое из написанного в Книге Откровения напрямую перекликается с кошмарными жизненными впечатлениями людей, живущих во времена двух тысяч атомных взрывов, способных мгновенно превращать в горящие факелы и ядерный пепел все живое: деревья и травы, диких зверей и домашних животных, мужчин и женщин, стариков и старушек, детей и младенцев.

Этот пепел стучит в человеческие сердца и взывает к теологическому осмыслению и атомного поворота, и того нового предельного опыта, который прежде человеку не был известен. В классический апокалиптический интертекст бесцеремонно вторгается современный раздел, окрашенный в огненно-багровые тона грозящей ядерной свержкатастрофы и выглядящий как предуведомление о приближающемся летальном исходе.

Экзистенциальная суть огненных испытаний

Эпоха поздней модерности и ранней постмодерности — время, когда нарастающая активность мирового зла, принявшего ядерное обличье, с необходимостью произ-

вела на свет специфическое ответвление богословия греха и зла — теологию атомной бомбы. Последняя не оставляет камня на камне от старых либеральных, прогрессистских иллюзий, чьи остаточные формы еще бродят по разным площадкам современного богословского дискурса.

Ныне на место первого пункта теологической повестки дня напрашивается вопрос о сути гигантского геополитического цунами, великого атомного потопа, грозящего залить землю огнем подобно тому, как она когда-то, в библейские времена, была залита потоками вод.

Идея испытания в пламени огненного ужаса родилась не в головах политиков и физиков XX века. Ее крохотные эмбрионы можно отыскать в глубокой древности. Один из них явился в библейском образе раскаленной печи вавилонского царя Навуходоносора, бросившего в пламя трех пленных юношей-евреев за их верность Богу. Затем эта идея объявилась в пророческих видениях Иоанна Богослова. Прошло две тысячи лет, и она перетекла с библейских страниц в позднейшую модернность с печами Освенцима и огненными смерчами над Хиросимой и Нагасаки.

Чтобы понять, как это стало возможным, совсем нелишне вспомнить давний, весьма характерный поворот в отношении человека к Богу, придавший практикам диффамации Господа легитимный характер. В этом событии, как это ни странно, также оказался замешан образ печи. Речь идет о ключевом эпизоде творческой биографии родоначальника секулярной философии Рене Декарта. Ему, как французскому офицеру, участнику одной из военных кампаний на севере Европы, довелось очутиться внутри реальной печи, правда, не раскаленной, а остывающей и хранящей в себе большой запас домашнего тепла. Когда продрогший на холоде и забравшийся в большую домашнюю печь южанин Декарт/Картезий отогрелся в ее темной утробе, то в его голове начался знаменитый *картезианский* поворот европейской мысли, решительно отказавшейся от всего, что ее связывало с триединым Богом и христианской верой, отдавшей предпочтение фаустовско-мефистофелевской духовной траектории своего будущего существования. Важно зафиксировать этот поворотный момент, произошедший в голове образованного, мыслящего европейского человека, который еще недавно считал себя христианином, но не удержался на высоком духовном поприще. Его философская мысль двинулась в путь, в конце которого ее поджидало самоубийственное состояние невиданного гуманитарного легкомыслия, попустительского отношения к метафизическому злу, а затем и к не заставившим себя долго ждать дьявольским печам Освенцима и огню атомных взрывов. Все это стало прямыми результатами долгого прощания с Богом. Однако за иллюзиями обретения свободы от всего трансцендентного не замедлила обнаружиться разоблачительная правда о докторе Фаустусе, заключившем сделку с дьяволом, ставшем ученым и инженером, конструктором лагерных печей и атомным «бомбоделом», не пожелавшем быть образом и подобием Божьим и потому превратившемся в образ и подобие дьявола.

Глобальное огненное испытание достойно выдержали очень немногие. У большинства произошло выгорание их слабой веры, духовности, нравственности, совести, разума, элементарного здравомыслия. Культура второй половины XX века переживала поражение за поражением, которые по своей силе, глубине, масштабности явили собой нечто большее, чем обычные, преходящие кризисы. Многие негативные метаморфозы стали свидетельствовать о своей необратимости. Так, живое существо с ранами на теле вполне может исцелиться, но если у него переломлен хребет и раздроблен череп, то подобные травмы для него несовместимы с жизнью, то есть смертельны.

Культура прошлых веков вплоть до начала XX столетия умела преодолевать свои кризисы. Но вообразив, что Бог для нее умер, и превратив эту дьявольскую фантазию

в экзистенциальный постулат, в эпицентр своей картины мира, она получила смертельную внутреннюю травму, лишившую ее способности сопротивляться атакам стихии демонического. Вначале XX, а затем и XXI век стали для нее временем тяжелой и затяжной агонии, а сама она превратилась большей частью, в «мусор», о котором писал Т. Адорно: «После Освенцима любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой — всего лишь мусор... Тот, кто ратует за сохранение культуры, пусть даже виновной во всех грехах, пусть даже убогой, тот превращается в ее сообщника и клеветника; тот, кто отказывается от культуры, непосредственно приближает наступление эпохи варварства; и именно в этом качестве культура и разоблачила самое себя»¹.

Антиномично-парадоксальным оценкам Адорно, констатирующим тупиковое состояние культуры, созвучна мысль поэта Уистена Хью Одена о поэзии, которая «ничего не меняет». Смысл этих слов может быть расширен, и тогда возникает печальная констатация, касающаяся не только поэзии, но и всей литературы в целом, искусства, философии, которые также ничего не меняют.

В свое время у России были прекрасные поэты уровня Тютчева, был провидец Достоевский, но страна продолжала и продолжает двигаться своим гибельным путем. Великолепная немецкая культура, Бах и Бетховен, Гёте и Шиллер, Кант и Гегель не предотвратили холокоста и мирового позора нацистской Германии. Политическая культура тех, кто олицетворяли американскую демократию и воплощали в жизнь ее морально-правовые императивы, не предотвратила ядерных бомбежек Хиросимы и Нагасаки.

Глубочайшие разочарования в духовной силе культуры серьезно подорвали веру в ее очистительную и возвышающую силу. Но с другой стороны, они заставили мыслящих людей планеты еще пристальнее всматриваться, еще напряженнее вдумываться в сущность произошедшего глобального духовного фиаско, еще настойчивее искать глубинные причины тех роковых событий, тяжесть которых переломила культуре ее духовный хребет.

Существует распространенный языковой оборот о «теологии после Освенцима». Однако не менее, если не более, важно говорить о теологии после Хиросимы, поскольку печей Освенцима в их прежнем качестве уже нет, они успели превратиться в музейные экспонаты, а атомная бомба, сконструированная доктором Фаустусом, никуда не исчезла, не переместилась в музейное пространство и продолжает висеть сатанинским ядерным дамочловым мечом над головами миллиардов потенциальных Иовов.

Геополитическая территория предельного опыта

Подобно тому как зрелый, мыслящий человек на протяжении своей сознательной жизни регулярно принимается думать о собственной неизбежной смерти, так и человечество в целом всегда размышляло и продолжает размышлять о грядущем конце мировой истории. Внутри библейско-христианского дискурса сложилось эсхатологическое направление, сосредоточившееся на вопросах вселенского финала и постфинальной трансцендентной перспективы. Юрген Мольтман так писал об этом: «Если оглянуться на историю эсхатологии, то библейским образом она представляется в виде великого Божьего суда над добрыми и злыми, заканчивающемся небесами для одних и адом для других. Является ли Страшный суд окончательным Божьим решением человеческой истории? Другие же мечтают о последней битве в войне между Христом и антихристом или Богом и дьяволом, должной произойти в день Армагеддона, неваж-

¹ Адорно Т. Негативная диалектика. М. С. 327.

но, будет ли она происходить при помощи божественного огня или атомных бомб»². Данное суждение симптоматично тем, что в богословский эсхатологический текст встраивается как бы сама собой мысль об атомных бомбах. И это примета времени ранней постмодерности, знак того, что человечество уже перевалило через роковой исторический хребет и пребывает внутри атомной, то есть предфинальной, предапокалиптической эры. Грезящийся ужас ядерного Армагеддона стал для него тем навязчивым переживанием, посредством которого апокалиптика, эсхатология и геополитическая теология соединились в одно целое. «В Хиросиме, — продолжал свое рассуждение Мольтман, — человечество потеряло свою атомную, а в Чернобыле свою экологическую невинность»³. Но одновременно с невинностью его покинула и наивность, плохая помощница для тех, кто вступил на территорию предельного опыта. Этот опыт неуклонно накапливается там, где людьми движет стремление постичь *меру, формы и характер* участия в ядерном сценарии не только человеческого фактора (в какой степени он участвует в реализации Божьего апокалиптического замысла), но и фактора дьявольского. Хиросима, Нагасаки, Чернобыль, Фукусима — эти анклавы предельного опыта продемонстрировали не просто убийственную мощь, но дьявольскую суть ядерной составляющей мирового технического прогресса, показывающего, что катастрофы такого рода имеют все основания для того, чтобы их рассматривать как репетиции предфинальных «последних времен», осуществляемые хотя и по Божьему попущению, но отнюдь не Богом. Подобно тому как Бог попустил дьяволу обрушить на Иова все мыслимые и немыслимые страдания, так же Он, судя по всему, попускает духу зла играть роль устроителя ядерных катастроф. При этом у Бога и архиврага разные цели. Господь испытывает людей, готовит их к неизбежному и предупреждает: «Если не покаетесь, то все так же погибнете!» (Лк. 13, 4). Дьявол же просто бесчинствует, разрушает ради разрушения, убивает ради убийств. А человек, участвующий во всем этом, если он еще не утратил способность к здравомыслию, вынужден размышлять и делать выводы. «После Хиросимы и Чернобыля все трезвомыслящие люди знают, что наше время ограничено и что мы живем в такие „последние времена“, в которые в любой момент становится возможным конец не только человечества, но и всех развитых форм жизни на земле»⁴.

Те катастрофы, которыми ознаменовалось развитие мировой ядерной энергетики, сводят на нет экономические преимущества атомной энергии. Обнаружилась слишком большая цена, которую человечеству приходится платить за такое электричество.

Ядерная апокалиптика — это дискурс, движимый верой в то, что «последние времена» непременно наступят, что времени придется предстать перед судом вечности, что земная история человечества оборвется высшим приговором Бога, упраздняющим ее. Человеческий разум а своих теологических комментариях к этой пророческой картине пытается время от времени добавлять такие штрихи, которые позволяли бы ему отчетливее видеть и яснее понимать, что главную особенность постмодерности следует искать не в философских и лингвистических измышлениях современных парадоксалистов, руководствующихся принципами интеллектуальной беспринципности и моральной вседозволенности, но в том, что она реально беременна ядерной сверхкатастрофой, что ее затевают человекообразные существа, похожие не на гётевского романтического Фауста в шляпе с пером и шпагой на поясе, а на мелкотравчатого, ничтожного и озлобленного на всех за свое духовное ничтожество подпольного господина из «Записок из подполья» Достоевского, заявляющего: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить».

² Мольтман Ю. Пришествие Бога. Христианская эсхатология — М.: Изд. ББИ, 2017. С. X.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 9.

Самые зрелые формы катастрофического дискурса, концентрирующего предельный опыт пограничных ситуаций, представлены в библейско-христианских теодицеях от Книги Иова до книг Карла Барта, примиряющих человека с Богом и не позволяющих катастрофам аннигилировать индивидуальный дух и поглотить живую боголюбивую душу.

Но в секулярных дискурсах фаустовско-мефистофелевских квазитеодицей высокой и закатной модерности уже отсутствует эта мудрая зрелость, и о примирении с Богом нет речи. Вместо этого либо преобладает богоборческое ожесточение холодной и злой секулярной рассудочности, либо же звучат слезные lamentации растрепанной и расхристанной постмодернистской души, изрядно ослабевшей под бременем страстей человеческих, во всем отчаявшейся и ни на что уже не рассчитывающей. Здесь ожидание внешней катастрофы следует за уже состоявшейся катастрофой внутренней, экзистенциальной. Возникает гибельный унисон двух типов умонастроений, свидетельствующий о безысходной покорности души миру и о ее готовности провалиться в небытие вместе с ним. Внутри нее нет сил и ресурсов, чтобы поддерживать высокий духовный тонус классической теодицеи. Все, на что она способна, — это твердить ницшевскую мантру о том, что Бог «мерть», и рисовать в своем воображении разные варианты натюрмортов, антропомортов и теомортов, изображающих либо омертвевшую природу, либо духовно умершего человека, либо «мертвого» Бога.

Два направления атомного дискурса

Автором термина «атомная бомба» часто называют Андрея Белого из-за принадлежащих ему стихов:

Мир рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой.

Атомный поворот стал самым радикальным из всех поворотов мировой истории, заставившим интеллектуалов задуматься над проблемами разрушительных потенциалов, таящихся в каждом очередном научном открытии, в каждой появляющейся технической новинке. Он инициирует переоценку перспектив общественно-исторического развития, побуждает вновь и вновь говорить о коренной злокачественности человеческой природы, об апокалиптическом приближении «конца истории», об исчезновении у людей сознания и чувств безопасности, об окончательном крушении высоких нравственных идеалов, а с ними и надежд на полную победу добра над злом.

С атомным поворотом состоялось вхождение человечества в самую, судя по всему, свирепую фазу своей истории, с ужасами которой ничто не сопоставимо. Мировая история фактически разорвалась на два хронологических куска — до Хиросимы и после Хиросимы.

Если в Откровении Иоанна Богослова неизбежность мирового финала предстает в футуристических картинах пророческих видений, то в реальности атомного поворота предфинальные, предапокалиптические ужасы стали облекаться в материальные, осязаемые, видимые и слышимые формы настоящего. XX век основательно потрудился, чтобы приподнять покрывало, за которым скрывалась тайна реального апокалипсиса. Он обеспечил процесс общего приближения человеческого разума к суще-

ству древнего библейского пророчества, материализующегося у всех на глазах, принимающего такой вид, в который секулярное сознание ни за что не хочет верить, так он заперделен. Но если автором и режиссером библейского апокалипсиса выступает Бог, готовый творить Свой справедливый суд, то авторами ядерной увертюры к Божьему финалу норовят стать сами люди, мотивированные отнюдь не Богом. Ядерный, рукотворный протоапокалипсис — это сатанинский проект фаустовского человека, возникший и реализующийся под прямым водительством Мефистофеля, духа тьмы и зла, коварного вдохновителя-provokatora и «научного руководителя» всей атомной фантазмагии. Под его неусыпным provokatorским напором в таинственное лоно материи, сотворенной Богом, вторглись железные синхрофазотронные клещи новых фаустов. Они безжалостно разорвали атомное ядро и подготовили невиданную трагедию, обещающую стать возмездием как за всевластие аморальных политиков, так и за чудовищно грубую, богопротивную бесцеремонность секулярного рассудка, выдаваемую за благородную фаустовскую страсть к познанию. Потому, в отличие от апокалиптической реальности Откровения Иоанна Богослова как книги заслуженного Божьего гнева и справедливого отмщения, адресованного терпящему поражение злу, рукотворный ядерный протоапокалипсис нашей эпохи — это временный земной триумф зла, которое вообразило, что Бог «умер» и оно может безнаказанно демонстрировать свою темную, гибельную силу.

В пику полушуточному в наших глазах вопросу старинной схоластики о том, сколько ангелов может уместиться на кончике иглы, напрашивается устрашающе серьезный вопрос нашего времени о том, сколько демонов умещается внутри ядерной бомбы? А внутри всех ядерных бомб на земле? А внутри всех ядерных и неядерных взрывных устройств всего мира? Не исключено, что их общее количество многократно превышает число людей, проживающих на планете. Похоже, что эти демоны позволили людям заключить себя в металлические казематы не для того, чтобы пребывать там бесконечно долго. Многомиллиардная дьявольская армада с нетерпением ожидает, когда наступит время «Ч» и прозвучит команда вырваться из заточения с огнем, грохотом и готовностью разрушать и убивать все живое.

Атомный дискурс не имеет целостного характера и распадается на два противоположных направления. Первое, находящееся в подчинении у Божьего духа, может быть условно обозначено как *теология атомной бомбы*. Оно предполагает, что за очевидными явлениями, процессами, событиями всегда скрыта их глубинная, сущностная подоплека сверхчувственного, трансцендентного характера. Так, за всей социокультурной шелухой постмодерна кроется логика совершившегося атомного поворота, свидетельствующего о том, что человечество прерывисто, но неуклонно сползает в предфинальную, катастрофическую протоапокалиптику. За погружением в безумие самоуничтожения обнаруживается действующая сила грозного бича Божьего, творящего возмездие. Таким образом, словосочетанием *теология атомной бомбы* обозначается аналитическая область критической мысли, питающейся опытом библейско-христианской интеллектуальной традиции и нацеленной на постижение высшего уровня детерминации, на исследование и объяснение того, как в мире, где господствует Бог, стало возможным существование и распространение демонической реальности, описываемой при помощи понятий атомного поворота и ядерного оружия массового поражения.

Второе направление, движимое мирским, секулярным духом, имеет природу фаустовско-мефистофелевской апологетики атомного поворота, оправдывающей убийственную силу ядерного оружия. Вписанная в историю мирового духовного кризиса, являющаяся его порождением, проявлением и продолжением, она складывается из

многочисленных информационных потоков, насыщенных политико-идеологической софистикой секулярного рассудка, романтизирующего военный ландшафт эпохи поздней модерности и ранней постмодерности. Она же изображает этот ландшафт как «шахматную доску», как игровое пространство постоянно идущих репетиций предстоящей мировой войны. При этом ею предпринимаются гигантские усилия идеологического характера, старательно маскирующие inferнальную природу ядерного демона.

Налицо три главных способа описаний тех отношений Бога с человеком, которые вводят нас в теологию атомной бомбы. Первый — это *сверхрациональный язык* упреждающего библейского Откровения, через которое Бог открывает человеку всю меру его неправоты перед Ним и всю степень опасности для жизни и судьбы человеческого рода стратегий систематического пренебрежения Божьими предписаниями.

Второй — это *рациональные языки* теологии, философии, социогуманитарных наук, посредством которых верующий разум исследует, а неверующий рассудок только лишь пытается понять природу массового духовного слома, приведшего к катастрофизму атомного поворота, к радикальному изменению баланса мировых сил в пользу зла.

Чтобы понять, как это стало возможным, мало одних философско-технических, философско-политических, историософских рассуждений, а необходима теологическая рефлексия, обладающая опытом обращения с трансцендентными факторами, действующими внутри исторического процесса. Здесь требуются разработки дискурсивных подступов к новообразующимся анклавам предельного опыта взаимодействий человеческих умов, сердец, душ с демоническими силами зла, принявшими ядерное обличье и составившими настоящий заговор против человечества. И здесь наибольшая нагрузка и ответственность ложатся на теологию, способную воссоздать совокупную панораму человеческих преступлений против Господа и ответных Божьих наказаний за них. С учетом опыта мировой истории, но прежде всего на материале позднейшей модерности XX века и новейшей постмодерности XXI века теология способна продемонстрировать, как действует воздающий бич Божий, принадлежащий отнюдь не умершему, а живому Богу-Отцу, грозному в своем справедливом гневе на тех, кто заявляет: «Бог мертв, и потому будем творить беззакония, есть и пить, наслаждаться жизнью, распутничать в свое удовольствие, устроим вначале сексуальную революцию, а затем революцию гомосексуальную, зажжем мир с четырех сторон, окунем его в хаос, зальем кровью, поскольку все равно умрем».

И, наконец, третьим способом описания отношений человека с Богом владеют *нерациональные* художественно-образные языки прозы, поэзии, музыки, изобразительных искусств, театра, а начиная с XX века и кинематографа. С их помощью описываются разные грани феноменов богоотрицания и расплаты за опрометчивое неразумие людей, отказывающихся выстраивать должные отношения с Творцом-Миродержцем, в чьей полной власти они находятся.

Те, кто полагают, что атомная бомба — это всего лишь физическое зло, и не более того, заблуждаются. Вместе с материальными субстратами зла в жизнь человечества вторгается сверхфизическое зло небывалой мощи. Обладающее явно выраженной трансценденцией дьявольского, то есть разрушительного, смертоносного характера, оно несет в себе ошеломляющий парадокс. Это *парадокс зла, способного взорвать мир зла и тем самым уничтожить себя вместе с мировым порядком*. Секулярный рассудок теряется перед этой самоубийственной загадкой мира. И только дьявол ухмыляется, довольный успехом затеянной им предапокалиптической интриги глобального суицида, безумием сотен миллионов людей, готовых стереть себя с лица земли, положить конец мировой истории, цивилизации, культуре.

Экстремальная теология

Приближающееся превращение библейской апокалиптической мистерии в геополитическую реальность настойчиво требует теологических рефлексий. И намечающиеся рациональные контуры экстремальной теологии, или теологии атомной бомбы, — один из ответов на этот запрос. Ее формирующийся дискурс предстает как

1) *теология апокалиптических ожиданий*, приобретающих характер предчувствия тотальной мировой военно-политической катастрофы, способной грянуть не завтра, а уже сегодня, в любую минуту нынешнего дня;

2) *теология всеобщего экзистенциального хоррора*, общей смертельной тоски, разливающихся в воздухе, который буквально «пахнет смертью» в местах уже совершившихся ядерных взрывов и техногенных катастроф. Действенность этих переживаний усугубляют достоверные знания о том, что гигантские скопления ядерного оружия невероятной мощи разбросаны по всей планете, летают по воздуху, проникают в космос и пребывают не законсервированными на неопределенное время, а в состоянии повышенной боевой готовности;

3) *теология грозящей исторической фатальности*, когда в одной предельной точке геополитического экстремума способны сойтись вероятности одномоментных вспышек всех возможных и невозможных, вероятных и невероятных кризисов, катаклизмов, катастроф;

4) *теология предельного и запредельного опыта*, являющегося достоянием современного человека, вынужденного иметь дело с почти фантастическими формами и критическими массами экстремального зла, сосредоточенного в inferнально-демоническом «подполье» мировой цивилизации и грозящего вырваться оттуда для жестокой расправы над человечеством;

5) *теология тотального духовного кризиса*, повсеместно наступающего индивидуальное и массовое сознание, заставляющего его постигать смертоносную новизну всей суммы современных мировых обстоятельств, направленных против Бога и Его заповедей, жизни и человека, культуры и цивилизации;

6) *теология воздаяния*, исследующая предфинальную фазу трагедии секулярной, фаустовско-мефистофелевской души, страшно виновной перед Господом, проявившей сатанинское нечестие, решившейся на «убийство» Бога и готовящей собственное самоубийство. Эта душа не желает слышать о богословском дискурсе, защищающем грозного, но справедливого Бога-ревнителя, Который не молчит, не бездействует, а дает Свой ответ, демонстрирует бич Божий, оружие Божьего возмездия, созданное по Божьему попущению самими же людьми для их самоуничтожения.

Библейская оптика, имеющаяся в распоряжении экстремальной теологии, в купе с приобретенным катастрофически-травматическим опытом XX—XXI веков, подтверждает самые тревожные ожидания: «Уже положен топор у корня деревьев, и всякое дерево, не приносящее хорошего плода, срубают и бросают в огонь» (Лк. 3, 9). К этой библейской метафоре топора примыкает чеховская метафора ружья, на этот раз атомного, висящего на геополитической сцене и готового выстрелить в любой момент. А вместе они указывают на одно и то же — огромную опасность, нависшую над самонадеянными, гордыми, дерзкими, но крайне незадачливыми грешниками, жестоко провинившимися перед Богом и подставившими свои непутевые головы под пребывающие в полной боевой готовности атомный топор и атомное ружье,

Полтора столетия тому назад у Достоевского, в его «Братьях Карамазовых» болтливый черт из главы «Кошмар Ивана Федоровича» нарисовал образ космического топора, заброшенного людьми в межзвездное пространство и летящего там. Современ-

никам писателя он казался чистой фантазмагорией, и никто не мог и вообразить, что спустя сотню лет он обратится в реальнейшую из реалий. Ныне же стальных баллистических топоров, способных летать в космосе, начиненных смертью, занесенных над головами народов всего мира, стало слишком много, так что уже ни у кого нет сомнений в их готовности одновременно раскроить головы миллиардам людей. И тут, уже в который раз, в теологию греха напрашивается ядерно-баллистический раздел, побуждающий к размышлениям о «небе оптовых смертей» (О. Мандельштам).

Образ карамазовского топора, картины дантовского ада, чудовища демонизированной вселенной Босха, планетарный «Атомный крест» Сальвадора Дали все глубже вторгаются в мироощущение современного человека, все настойчивее будоражат его экзистенциальное воображение, лишают спокойствия его ум, охваченный перманентной тревогой.

Надо отдать должное библейско-теологическому взгляду на все это. Он несравнимо глубже театральнo-сценических и литературно-живописных взглядов, поскольку позволяет понимать самую суть происходящего, сознавать реальную возможность атомного воздаяния, в результате которого древо человеческого рода, переставшее приносить добрые плоды, изъеденное смертными грехами и, прежде всего, грехом хулы на Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа, уже заслужило самый строгий вердикт и потому может быть срублено атомным топором и брошено в ядерный огонь.

«Убийство» Бога-Отца, диффамации Бога-Сына и Бога-Св. Духа освободили культурное пространство от абсолютных библейских императивов, от всеобщих ценностей и смыслов, составлявших несущую основу мировой цивилизации. И та стала превращаться в аморфное, размякшее, рыхлое, духовно слабое нечто, неспособное противостоять наседающему злу. Ее нынешним обитателям все равно, перековывать ли мечи на орала или орала на мечи, убивать или не убивать, красть или не красть, прелюбодействовать или не прелюбодействовать, лгать или не лгать. Более того, им уже почти все равно, быть или не быть, жить или не жить. Слишком многое говорит о том, что времена гамлетовских колебаний остались в прошлом и большая, но не лучшая часть человечества уже фактически определилась, предпочтя бытию небытие, духовной жизни духовную смерть. Небытие, победившее в головах и сердцах миллиардов людей, сокрушившее содержимое этих голов, превратившее в руины их веру, надежду, любовь, здравомыслие, готово приняться и за физическое уничтожение тех, кто привык оскорблять Бога своим нечестием, кто относится к каждодневным надругательствам над Ним как к норме.

Люди, одержимые демонической гордыней, повсеместно попирающие Божьи законы, глубоко заблуждаются, думая, что смогут творить свои беззакония бесконечно, что к ответу их никто не призовет, что Бог «мертв», а они — хозяева земли и неба и потому могут делать все, что им заблагорассудится. Но Бог жив и ведет счет человеческим злодеяниям. Он никогда никого не освобождал от ответственности за содеянное. Так что чем чудовищнее совершенные преступления, тем страшнее чаша Божьего гнева, весомее проклятие и неизбежнее возмездие.

Но все это совсем не означает, что незачем мыть полы на гибнущем корабле. Понимая суть и направленность макроисторической динамики, мы просто обязаны продолжать мыслить, веровать и помнить урок Иова. Он и на краю бездны не похулил Бога, как советовал ему самый близкий человек — жена. Он сохранил веру, а вера сохранила его.